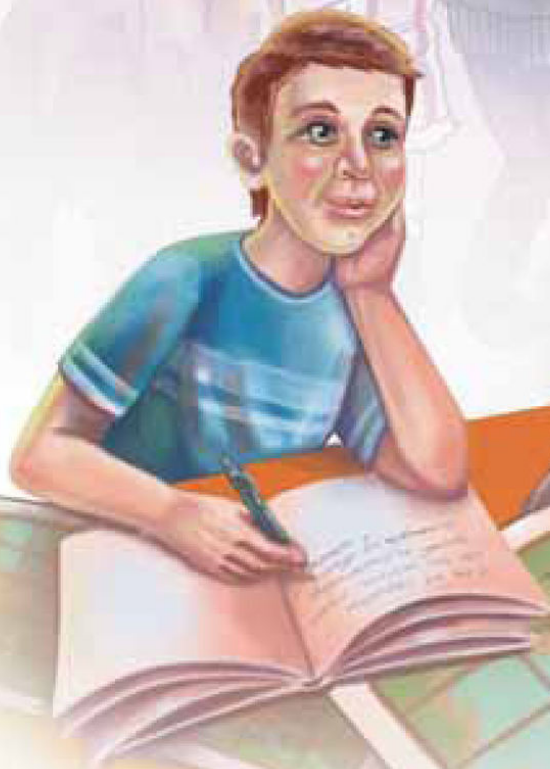

ВАРВАРА
МАРЧЕНКОВА

МОИ
НЕПРИДУМАННЫЕ
ИСТОРИИ

ИТРК
Москва
2017

РИСУНКИ
ЖАНЫ
АНДРЕЕВОЙ

Варвара Марченкова
Непридуманные истории

«ИТРК»

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Марченкова В. О.

Непридуманные истории / В. О. Марченкова — «ИТРК»,

ISBN 978-5-88010-514-4

Сборник искромётных рассказов Варвары Марченковой «Мои непридуманные истории» наполнен приключениями находчивого и отзывчивого мальчика Дениски, который живёт в эпоху лофонов и культовой игры «Битва ёжиков-2». Написанный в лучших традициях любимой многими поколениями книги Виктора Драгунского «Денискины рассказы», сборник станет замечательным пособием для тех, кто мечтает раздобыть сокровища мира, побывать на Таймыре и не только, создать микстуру от взрослости, избавиться от фобий и, наконец, узнать, что в жизни пригодится.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-88010-514-4

© Марченкова В. О.

© ИТРК

Содержание

Я— не Дениска! Я— Денис!	6
Серебро	11
Творожный кекс	16
Сокровища мира	23
Фобия	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Варвара Олеговна Марченкова

Мои непридуманные истории

© Марченкова В.О., текст, 2018

© Андреева Ж.В., иллюстрации, 2018

© Издательство ИТРК, издание, оформление, 2018

Я— не Дениска! Я— Денис!

Денис Фомичёв. И вы так меня зовите. Но только не Дениской! А если встретите где-нибудь в магазине, на улице или на почте мою маму, объясните ей, пожалуйста, что называть первоклассника уменьшительным именем несправедливо.

Как она не может понять, я уже не малыш и не девчонка! Сегодня опять назвала меня Дениской и, что ещё хуже, сравнила с каким-то мальчишкой из старой книжки детских рассказов. Ту книжку мама затёрла до дыр, и даже сейчас, давно став взрослой тётёй, тайком читает её на работе, как она говорит, чтобы снять градус морального напряжения от общения с акулами капитализма. А мне так интересно, какие они, эти акулы капитализма, напрашиваюсь к маме на работу, чтобы хоть одним глазком взглянуть на этот диковинный вид, но мама не пускает.

Я очень люблю акул и всё про них знаю. А ещё больше люблю ходить в океана риум! Гуляешь по широкому коридору вдоль гигантских аквариумов, где кишмя кишат разноцветные, как бабушкины вязаные носки, экзотические рыбы, электрические скаты, забавные коньки, скользкие мурены и чернильные осьминоги, и вдруг нет-нет да и покажется откуда-то из-за кораллового рифа грациозная акула-лопата Маня. С Маней мы подружились полгода назад, и теперь, когда я прихожу в океанариум, Маня, завидя меня издалека, подплывает близко-близко к стеклу, приветственно машет мне хвостом и терпеливо позирует перед папиной фотокамерой. Как-то раз мы умудрились сделать селфи втроём – я, папа и Маня посередине. Эх, жалко, нам нельзя приносить водным обитателям что-нибудь вкусненькое из дома, а так бы я обязательно поделился с Маней фирменными мамиными расстегаями или бабушкиными оладьями с клубничным вареньем.

Кормят морских животных специально обученные люди, я узнавал. В прошлое воскресенье мы с папой попали на кормление зебровых акул. Окрасом в крапинку они, правда, больше смахивают на леопардов, и, кроме того, у них, как сказал папа, есть харизма, и у Мани она тоже есть. На вопрос, есть ли харизма у меня, и как она выглядит, папа шикнул, дёрнул меня за рукав и показал глазами на стекло, где под толщей воды вот-вот должно было начаться представление. Отважный дяденька, похожий на дрессированного упитанного тюленя, в маске, красных ластах и с белым баллоном за спиной, неуверенно озирался по сторонам, держа в дрожащей вытянутой руке кильку. Пауза затягивалась, дяденька робко помахивал рыбкой влево и вправо, но акулы не появлялись.

– Видимо, нагуливают аппетит, – задумчиво сказал папа.

Через секунду, откуда ни возьмись, на ошарашенного кормильца разом налетели пять акул, покружились вокруг него, понюхали кильку и, разочарованные, стройным косяком уплыли по своим делам.

– Ну всё, кина не будет. Тунца им, видите ли, подавай, от кильки нос воротят! – проворчал папа.

А мне стало жалко дяденьку, ведь он так старался быть молодцом, не бояться воды, акул и самого себя, и тут на тебе. Незадача. Во что бы то ни стало мне захотелось с ним познакомиться, и я уговорил папу покараулить дяденьку в коридоре у гардероба. А дяденька-кормилец акул оказался нашим школьным сторожем Петром Пантелеймонычем, вот это да!

– Второй месяц пошёл, как работаю в морском царстве, – признался он. – Молодые ихтиандры-аквалангисты уехали в Сингапур за тунцом, и остался наш океанариум без пловцов. А я, как-никак, двадцать лет на подлодке отслужил, и здесь отслужу, ещё бы подлодку дали, тогда мы с неё точно никуда не денемся!

И, гаркнув: «Полундра, ребята, задраиваем люки!», оттеснил к выходу толпу запоздавших посетителей.

«Кто такие *ухтыандры?*» – всё думаю и думаю по пути домой. Спрашиваю папу, а в ответ надоевшее мамино: «Вылитый Дениска из рассказов Драгунского, такой же почему-то». Пусть хоть птеродактилем зовут, но только не Дениской! Кстати, я и динозаврами увлекаюсь – знаю, чем питался диплодок, и кто питался диплодоком, сколько зубов у тираннозавра, и зачем птеродактилю крылья. А ещё у меня есть коллекция динозавриков из шоколадных яиц, её для меня собирала мама, когда была маленькой девочкой. Я сейчас не хвастаюсь, я не хвастунишка, но, правда, тот книжный Дениска не интересовался динозаврами и акулами так, как я.

И вообще, кем он мечтал стать? Космонавтом? Подумаешь, тренировался с друзьями запускать самодельную ракету. Эка невидаль – раздобыть во дворе старый деревянный ящик, забраться туда и орать во все горло: «Поехали!». Капитаном дальнего плавания? Ерунда. Фантазировал себе дома, как самый обыкновенный мальчишка, стоял на тахте и вглядывался в шторы через мамину скалку – тоже мне подзорная труба! Вот я прошлым летом сплавлялся, как бесстрашный Тур Хейердал на папирусном плоту Кон-Тики в Тихом Океане, по нашей речке Сиверке в деревне на тракторном колесе. Мама левой рукой полоскала бельё на берегу, а правой удерживала багром шину, чтобы я далеко от неё не уплыл. А как бы хотелось уплыть далеко-далеко, поступить океанологом на большое красивое судно и каждый день по несколько часов проводить под водой, наблюдая жизнь морских обитателей, как знаменитый Жак-Ив Кусто!

А ещё я хочу стать лётчиком, писателем, строителем, сантехником, криминалистом и естествоиспытателем. Можно и Президентом. Только осторожно. И хорошим человеком. Но не танцором! Ненавижу, когда учитель музыки Баян Баяныч заставляет нас на уроке ходить по кругу вприсядку под его баян и под писклявое девчоночье: «Эх, яблочко, да куда котишься? Ко мне в рот попадёшь – да не воротишься!»

– Похвальный список, сын. А давай-ка вместе его уллучшим? – предложил папа. – Сократи свой перечень до хорошего человека. В нём все профессии на Земле, и он за тебя решит, кем стать, чтобы оставаться самим собой.

Я не успел и рта раскрыть, как в разговор вмешалась мама:

– А я скажу, Дениска, кем ты не должен быть ни при каких условиях, даже если у тебя вырастут плавники, хвост и жабры – никогда, запомни, никогда не становись акулой капитализма! Окунем просвещения можно, но только не акулой капитализма!

Испуганный не на шутку и окончательно сбитый с толку, я снова пожалел, что ещё ни разу не видел вблизи и даже издали ни акулу капитализма, ни окуня просвещения, в которых мог превратиться в любую минуту по воле невидимого волшебника.

– Мать, не пугай сына на ночь и сходи-ка лучше завтра с нами в океанариум! – пожурил маму папа. – Дениска станет Денисом, хорошим человеком! А тебе, дорогая, надо больше отдыхать!

Серебро

I

– Сегодня в девять вечера.

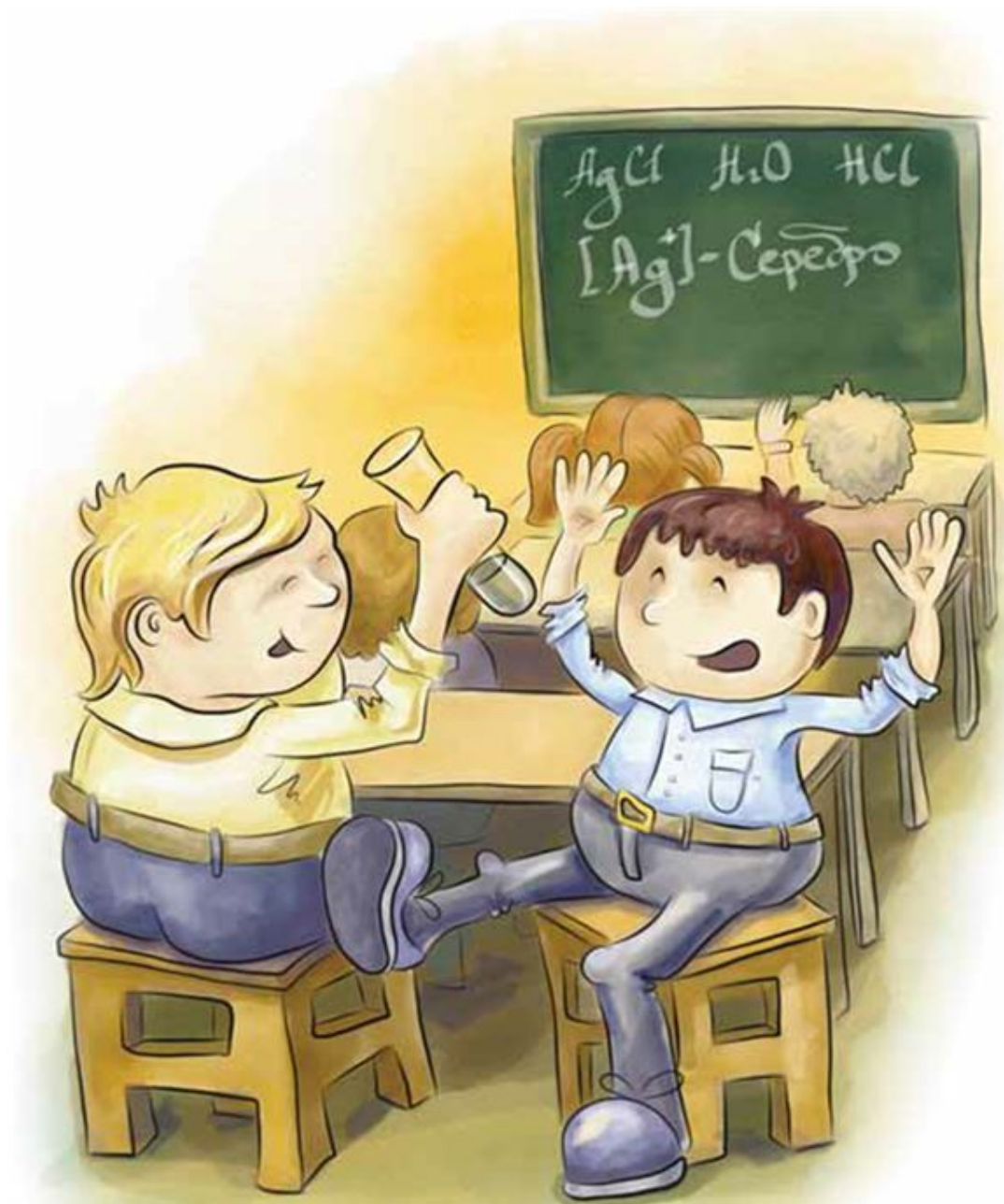
– А может, пораньше, вдруг охранник уйдёт домой?

– Так нам это и надо!

– А вдруг будет так темно, что мы по ошибке в учительскую попадём – как раз этажом ниже?

– Так нам это и надо! Ты что, забыл, зачем идём, о двойках забыл? Ну же, соображай, Васька! За один вечер не только обогатимся, но и отличниками станем!

Мои друзья, Вовка Грибков и Васька Захотелкин из 3 «Б», после урока химии, который для нас подготовили старшие классы, выработали свой план «нападения» на учительскую. Дело в том, что на этом уроке старшеклассники проводили опыт с получением чистого серебра. Путём взаимодействия при нагревании загадочного этанала с оксидом серебра пробирка от реакции окрасилась в серебряный цвет, и Вася Захотелкин, не выдержав, первым подбежал к реактивам, растолкав нас, и закричал:

– Вот здорово! Настоящее серебро!

Пробирка с серебром пошла по рядам; её нюхали, ощупывали, пытались выковырять искорки драгоценного металла.

– Что же вы, химики, побольше не могли в пробирку веществ налить? Серебра совсем на доньшке! – обиделся Васька. – Нам учитель не разрешает много наливать. Говорит, много серебра не бывает, а жадность всегда найдётся... – ответили химики.

II

В кабинет химии, который круглыми сутками проветривался от пахучих реактивов, ребята пробрались через открытое окошко по самодельной лестнице из маминого халата.

– Мама! Я на что-то наступил! – заорал Васька, спрыгнув с окна в лаборантскую.

– Вечно ты куда-то наступишь! Надо быть мужчин-ой-ой, мамочки, скелет! – завопил Вовка и бросился к окну.

– Куда ты, трусишка? Вот же они, *рыкати́вы*.

На столе, как по заказу, выстроилась целая армия пузырьков с разноцветными реактивами.

– Вась, ты не помнишь, какие надо?

– Ты что? Конечно, нет! Химия – это тебе не мамин халат портить.

– Бери все пузырьки, дома разберёмся! Только быстрее.

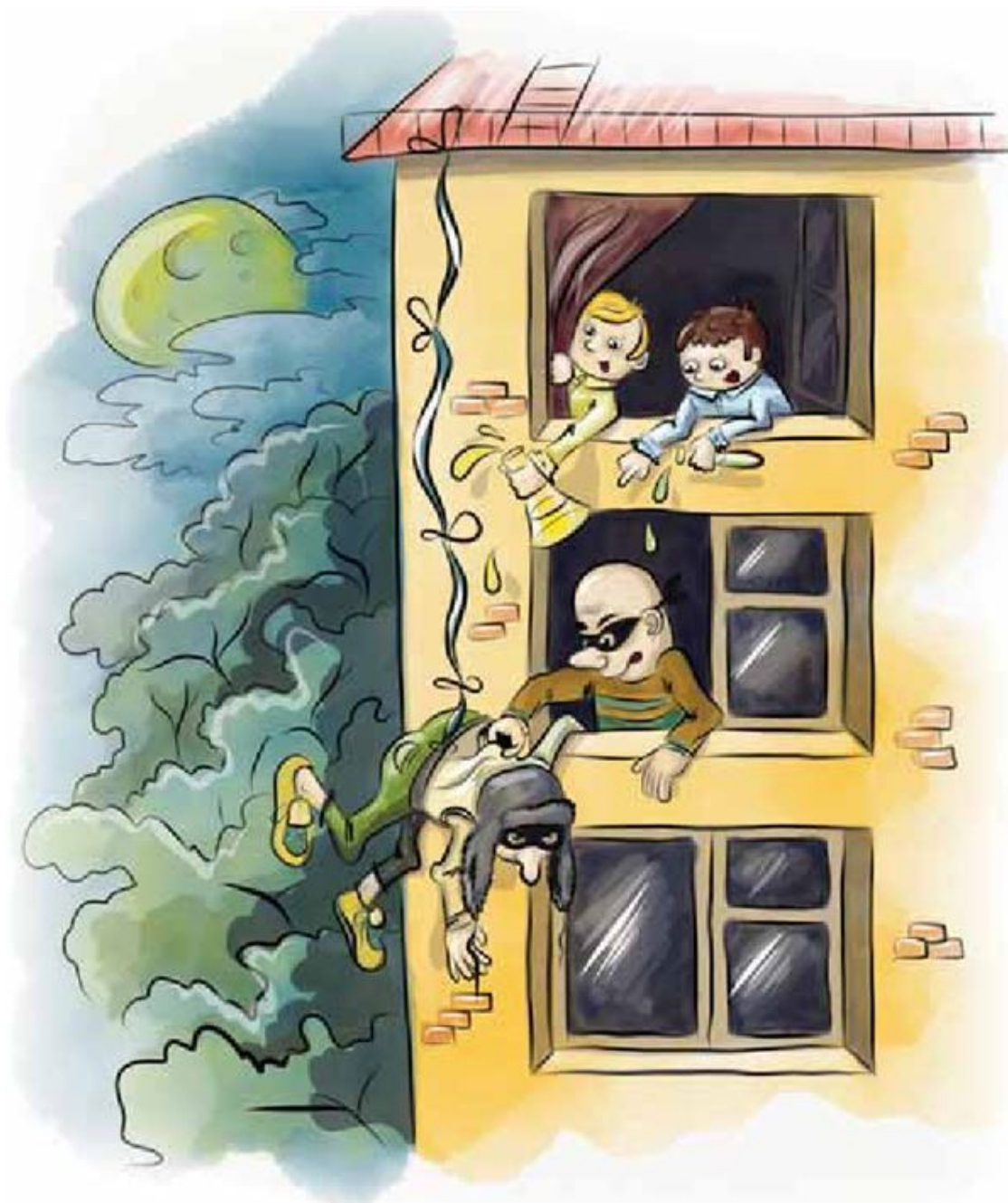
Вася стал складывать реактивы в портфель, и вдруг под окном послышались мужские голоса.

– Мы с тобой, Захарыч, как дети малые, ходили кругами. Вот она, учительская. Теперь вся техника наша! Кувалдой по окошку – и готово!

– Сергеич, что это за верёвка на третий этаж тянется? Может, опередил нас кто-то? – Так нам же на второй этаж надо, а не на третий.

Друзьям стало жутко, ведь они тоже хотели пробраться в учительскую, но чтобы в журнале исправить двойки. Ребята затаились на третьем этаже в страхе и нерешительности. Сергеич и Захарыч, «бывалые бурундуки», как они себя называли в разговоре, стали подниматься по верёвке на второй этаж. Тут Васю осенило:

– Вовка! Давай на них выльем все *рыкати́вы*! А что делать?! Зато школу спасём!

– Точно, Васька! Зачем нам серебро! Да нам за спасение школьного имущества золотые медали досрочно вручат! – торжествовал Вовка.

Не теряя ни секунды, ребята открыли пузырьки и подбежали к окну. Вору опешили, подняв глаза и увидев школьников, поливающих их чем-то непонятным.

– Ха! – крикнул Вовка. – Химическая атака! – и вылил сероводородную кислоту. – Попробуйте-ка это! – не заставил ждать Васька и метким броском швырнул в злодеев пузырьки с йодом и азотной кислотой.

Конечно, «бурундуки» бы и сами свалились с лестницы после такого химического душа, но им помог Вася: ему нисколько не жалко было поджечь свою лестницу во имя спасения школы.

– Васька, мы с тобой герои! – сказал Вовка, увидев лежащих на снегу «бурундуков».

III

Потом приехала полиция. Директриса ругалась с охранником, а сторож нарезал круги вокруг школы, проверяя замки на дверях. В этой суете никто не замечал двух моих друзей, незаметно спустившихся по запасной Васиной лестнице и теперь стоявших под окном кабинета химии.

– Знаешь, давай не будем говорить, что это мы обезвредили «бурундуков». Настоящие герои – скромные. А нас всё равно потом найдут и наградят, – сказал Васька.

Вдруг они услышали разъярённый голос директрисы:

– Вот они! Мерзкие мальчишки! Я знаю, что это вы пробрались на третий этаж! Держитесь, с вами разберусь!

– По-моему, нас уже нашли! – буркнул Вовка.

– Ну что стоишь, бежим!

Под большим-большим секретом Васька поведал мне об этом приключении, он же знает, как я люблю разные истории. Но уже на следующее утро каким-то чудесным образом весть о серебряном подвиге Васьки и Вовки разлетелась по всем классам. Эх, они уже герои, а я ещё только дописываю свой рассказ, несправедливость!

Творожный кекс

Уроки труда у нас в тридцать пятой самые обычные и как две капли воды походят на уроки труда в соседних школах нашего района, мы узнавали. Пацанов нагружают серьёзной мужской работой – мы и стругаем, и орудуем лобзиком, и точим, и уже с третьего класса забиваем гвозди, всякий раз попадая молотком по пальцу. А девчонки занимаются ерундой: вышивают, вяжут, шьют... за них дома мамы и бабушки, а на занятиях сидят, глазищами лупают и в телефонах играют. Несправедливость!

Всё меняется, когда у девчонок наступает «кулинарная» четверть. Они забрасывают телефоны, деловито завязывают фартуки – любо-дорого посмотреть, и начинают переводить продукты. Мы же, дурачки, проникаемся к одноклассникам уважением, за косички не дёргаем, рюкзаки не пинаем, зато прибегаем к ним на перемене за большим, вкусным, ну или хотя бы съедобным куском чего-нибудь из их стряпни, а оттуда бежим назад к папе Карло, Сан Санычу, нашему трудовику. Руки у него заскорузлые и шершавые, а нос всегда сизый в любое время года, хотя папа Карло любит с нами спорить, утверждая, что нос у него сизый только в суровое зимнее время при особо низких температурных режимах.

Пока мы с Сан Санычем пилим и спорим, девчачья группа разделяется на две бригады, а их учительница, хрупкая и немолодая Наталья Вениаминовна, с кичкой в виде улитки на голове, оренбургским платком на плечах и секундомером в руках, в позе нашего физкультурника на линии старта перед сдачей летнего кросса, звонко отчеканивает:

– Тааак, девчата, сегодня у нас сладкий четверг! Готовим десерты на раз, два, три! И... время пошло!

Вот и теперь, услышав команду Натальи Вениаминовны, девчонки кинулись к столам, сбивая на своём пути пачки с мукой, шумовки и не успевшую отпрыгнуть к двери учительницу. Времени на выпечку всего ничего – один урок, а столько надо успеть. Во-первых, придумать, что готовить. Рыжая Юлька Лебедева – предводительница первой бригады, известная на всю школу сочинительница кличек, предложила напарницам растопить плитку «Алёнки» и облить шоколадом Наталью Вениаминовну.

– И будет у нас улитка в шоколаде!

Вариант приняли на ура, но почти сразу отмели за возможной несъедобностью Натальи Вениаминовны.

– А чем пирожные «Картошка» хуже? Они и лепятся быстро, и в духовке не надо запекать, – предложила Аня Титова. На «Картошке» и порешили.

Тем временем в стане второй бригады царила полнейшая неразбериха. Ирка Болтунова бросилась к вафельнице печь вафли, Танька Ушакова – к мультиварке стряпать шарлотку, а мудрая Ленка Зло-тина, командирша второй бригады, забралась под стол к конкуренткам, чтобы подслушать в тылу врага как можно больше кулинарных идей.

Вдруг – бац! – стол как вздрогнет, недоумённые девчонки с первой бригады как завизжат:

– Мамочки, под столом привидение! – и кинутся врассыпную.

Это Ленка с торжествующим видом и шишкой на лбу выскочила из укрытия, выкрикивая на ходу:

– Придумала, сама придумала!!! Печём творожный кекс!

Дело у девчонок заспорилось. Ещё бы, оставалось всего полчаса до конца урока. Первая бригада живенько намолочила в мясорубке мои любимые ванильные сухари и смешала в тазике все остальные, как их называет мама, *энгьрдийенты*¹. Забежав к девчонкам за журналом, я

¹ *Энгьрдийенты* – исковерканная Дениской форма множественного числа слова «ингредиент», которое означает составную часть чего-либо в смеси или веществе. – *Примеч. ред.*

подсмотрел, как Юлька Лебедева переборщила с молоком и ухнула в смесь для пирожных целую литровую пачку вместо стакана. Я хоть и не девчонка, волей-неволей наблюдаю за мамой на кухне, пока рассказываю домашнее задание, и даже запоминаю отдельные *ингредиенты* и их количество. И сейчас мне показалось, что пирожным угрожает опасность затопления молоком. Вторая бригада действовала более осмотрительно благодаря Ленке Златиной. Каждый свой шаг она дотошно сверяла с поваренной книгой. Кекс замешивался грамотно, тщательно, но очень медленно.

Пятнадцать минут до конца урока. Наталья Вениаминовна, отдав последние кулинарные приказы, мерно посапывала с вязанием и секундомером на коленях на фоне нарастающей паники, грохота и криков юных поварих. Первая бригада только что закончила лепить пирожные и загрузила их в холодильник. Уже через секунду шоколадные картошки расплылись на подносе и превратились в кашу.

– Может, их в морозилку запихнём? – заволновалась Анюта. – Быстрее застынут!

За двенадцать минут до конца урока вторая бригада, наконец, замесила свой кекс и отправила его в духовку. Все замерли в ожидании результатов. Ещё через минуту проснулась Наталья Вениаминовна, принялась к духовке, пожала плечами, так ничего не унюхав, и снова заклевала носом.

Ноль минут до конца урока труда, а это значит, 4-му «Б» пора спешить со всех ног на контрольную по цивилизациям Древнего Востока. Вынув из морозилки и духовки блюда с пылу с жару и с холоду, девчонки кое-как растолкали Наталью Вениаминовну, сдали часть десерта на пробу, получили свои пятёрки и поскакали на второй урок истории к Аделаиде Евгеньевне. Нам с Васькой и Вовкой в тот раз так ничего и не перепало. Зато Аделаиду Евгеньевну девчонки решили хором задобрить прямо перед самым уроком и радостно водрузили на её стол два подноса с картошками и творожным кексом. Все ребята в школе знают, какая она сладко-ежка. Каждую перемену проводит в столовой, уплетая слойки, пирожки с повидлом, рисом и картошкой, сахарные крендели и булочки с изюмом. Оттого любое платье Аделаиды Евгеньевны натянуто на ней плотно и упруго, как наволочка на подушку. Голос у неё густой и грудной, а точнее, низкий бас, как определил наш тоненький учитель музыки Баян Баяныч, столкнувшись как-то со мной и Аделаидой Евгеньевной на повороте в актёрский зал.

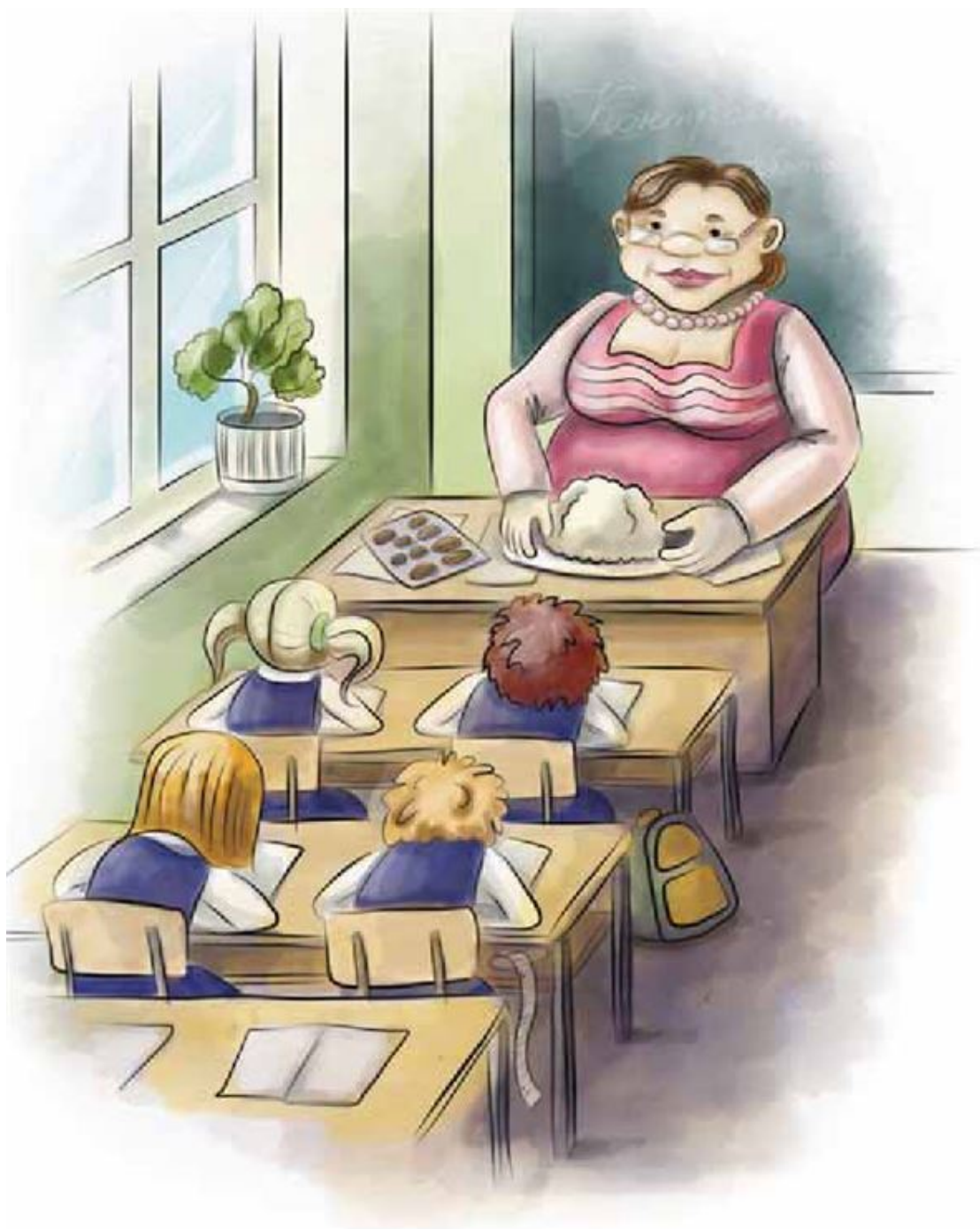
– Вам бы «Дубинушку» Шаляпина петь под аккомпанемент моего баяна, – мечтательно предложил он ей.

– Увы, Пахом Семёныч, вы – не Навуходоносор, да и я уже давно не Аманис, чтобы меня осаждать нелепицами, – прогудела Аделаида Евгеньевна на ходу, рассекая руками воздух, точно атомный ледокол – айсберги у берегов Антарктиды.

Мы с Пахомом Семёнычем долго стояли, задумчиво глядя ей вслед, и каждый пытался понять, кто такой этот *Новый с худым носом*, и чем его хуже наш Пахом Семёныч.

Одинаково круглая со всех сторон, Аделаида Евгеньевна или, как прозвала её Лебедева Юлька, Колесо истории, со звонком появилась в дверях кабинета. Гудевший саранчой класс притих в ожидании расправы – контрольного теста. Всё смешалось в наших головах: троянский конь с египетским сфинксом, Тибр с Евфратом, Амон Ра с Ярилой. По искрящимся зловецим

огоньком глазам Аделаиды Евгеньевны я прочёл, что спасение в виде переноса контрольной нам сегодня не светит. Оставалось молиться Яриле и надеяться на счастливый случай. Списать у Аделаиды Евгеньевны не смог ни один ученик за все двадцать пять лет её работы в школе. И сейчас, в отчаянии глядя на чистый лист бумаги, я вспомнил подслушанную у старшеклассников шутку: «У Аделаиды не то что муха, инфузория-туфелька не проскочит на уроке незамеченной». Что за туфелька, и почему такой странной модели, о которой не слышала мама? У неё в гардеробе водятся любые-прелюбые туфли: на широком каблуке и шпильках, с красной подошвой (зачем туфлям красная подошва?) и чёрной, а *фузорной туфельки* нет.

Пока я задумался, не заметил, как Аделаида Евгеньевна сменила гнев на милость, увидев на столе два подноса со свежеспеченными дарами волхвов. Мигом раздав задания, она

уселась за стол и сразу принялась за Ленкин кекс. В нависшей тишине раздавалось шумное причмокивание жующей Аделаиды Евгеньевны.

Прошло минут семь. Мы по-прежнему надеялись на чудо, и чудо произошло! Слегка изменившись в лице, Аделаида Евгеньевна широкой вальсирующей походкой покинула кабинет... на целых пятнадцать минут!

Всякий раз, когда папа смотрит новости, я часто слышу, как дяденька с хмурым лицом и в ярко-розовом галстуке говорит о переломном историческом моменте для страны. Всякий раз я спрашиваю у папы, что такое этот переломный момент, и папа, вздохнув, отвечает:

– Приплыли, сынок, дальше некуда.

Вот и сейчас мы приплыли к нашим шпаргалкам, быстренько всё списали, пока Аделаида Евгеньевна отсутствовала, и, довольные, смекнули, что дальше и лучше уже некуда.

Аделаида Евгеньевна вернулась, почему-то ещё больше озабоченная, чем уходила. Не удостоив нас и взглядом, она прошла к столу, села, но тут же пулей выскочила из кабинета... на двадцать минут! За это время каждый сознательный ученик 4-го «Б» счёл своим долгом поблагодарить бригаду Ленки Злотиной за их спасительный творожный кекс.

Сокровища мира

Сегодня я пришёл с уроков обиженный и злой. По двум причинам. Во-первых, обозлился на Ваську Захотелкина, потому что он вторую неделю обещает вернуть диск с игрой «Битва ёжиков-2» и никак не отдаёт, а мне самому позарез хочется в неё играть. Во-вторых, обиделся на себя, потому что не приготовил доклад про музей в Петербурге и сильно опозорился перед классом. Честно говоря, я и забыл, что нам задали в нагрузку к урокам литературы дополнительно читать про знаменитые галереи, выставки и библиотеки, да ещё и рассказывать обо всем этом у доски. Каждый день убеждаюсь, сколько же нам всего задают! Несправедливость! Когда нам, детям, жить-то? Прибежишь со школы, голодный и уставший, иногда в рваной куртке и грязных штанах после драки с Санькой Степаньковым, пройдёшь тщательный бабушкин осмотр на предмет синяков и ссадин, потом дезинфекцию в ванной, и только после всех мыльных процедур получишь допуск на кухню, быст ренько перехватишь мамино борща с ароматными бабушкиными пампушками, закусишь дедушкиными румяными драниками со сметаной под бабушкин компот из китайки. И день прошёл! А впереди ещё столько важных дел! Вчера, например, целых четыре часа прокачивал своего героя Тузика Грельского в онлайн-квесте «Охотники за блохами», но так и не догнал его до уровня «Профи». Три недели гоняет в новичках, бедолага. Вот и забыл я обо всём на свете, а о докладе и подавно. Зато наша классная учительница Татьяна Николаевна не забыла и уже на первой минуте урока, едва поздоровавшись с классом, мечтательно оглядела ряды и протяжно меня позвала:

– Фомичёв, к доске!

«Точно что-то задали!» – застонал я про себя. Не могла же Татьяна Николаевна вызвать меня просто так, покрасоваться у доски. Красуются девчонки, а ребята, как прославленные ораторы в Древнем Риме, гордо выходят к народу и покоряют его одной силой слова. Если у них есть эта сила. Или, на худой конец, поднимают белый флаг и ковыляют на своё место с двойкой.

– Фомичёв, ты там заснул, что ли? Марш к доске!

– Пятнами пошёл, мухомор! – хихикнула Надька Кротова, моя соседка по парте. – Вдохни-выдохни, и вперёд, не трусь! – Это кто здесь трусит?! – спохватился я и на ватных ногах поплёлся навстречу неизвестному. Встал у доски, огляделся, шаркнул пару раз ногой и в отчаянии повернулся к портрету длинноносого дяденьки с усиками и добрыми глазами в надежде заручиться его поддержкой. Первые ряды знай себе прыскали со смеху, так бы и треснул.

– Не тяни время, начинай! – заторопила Татьяна Николаевна. – Ну же, Денис, про какой удивительный музей в Санкт-Петербурге ты нам сейчас расскажешь?

– Я вам сейчас расскажу, расскажу я вам про музей в городе на Неве, – начал я неуверенно. – Находится он в бывшем Ленинграде, ныне Санкт-Петербурге, северной столице России.

– Фомичёв, ты издеваешься?! Переходи к делу, живо!

Класс гоготал как сумасшедший, а стены кабинета трещали по швам, точно старые кальсоны на моём дедушке! Интересное словечко «кальсоны»! Не будь у деда кальсон, вряд ли бы я когда-нибудь узнал об их существовании. И не провозись я с интерактивным Тузиком весь вечер, вряд ли бы сейчас стоял перед Татьяной Николаевной, как молчаливый истукан с острова Пасхи.

– Диня! – услышал я чей-то клич сквозь шум других голосов. Это Вовка пришёл мне на выручку и уже минут пять сигнализировал подсказку, держа над головой листок бумаги с крупным рисунком какого-то зверька в клетке. Разглядев, наконец, в нём хорька, я от обиды стукнул себя кулаком по лбу и бойко затараторил:

– Татьяна Николаевна, что вы?! Как я могу издеваться?! Просто слово вылетело из головы, стоял, вспоминал, но вы не думайте, я всё вспомнил! Этот музей называется *Скунс-камера*²!

² *Скунс-камера* – искажённое Дениской название знаменитого музея антропологии и этнографии имени Петра Великого в г. Санкт-Петербурге, который в правильном варианте звучит как «Кунсткамера», или «Кабинет редкостей». Один из старейших музеев мира, который был основан в 1714 г., Кунсткамера насчитывает более миллиона экспонатов из областей археологии, анатомии, медицины. – *Примеч. ред.*

Я плохо помню, что было дальше, хоть это и случилось сегодня. Ещё хуже помню, как добрался домой в самых расстроенных чувствах. На пороге меня встретила задорная и ласковая бабушка, вся в муке и в своём любимом голубом фартучке:

– Пожаловал, академик! Не топчись у двери, забегай быстрее, оладушки стынут!

Взглянув на меня пристальнее, бабушка поняла, что мне не до оладушек, всплеснула руками и заголосила:

– Деееед, а деееед, иди скорей сюда! «Спокойно, Денис, не будь девчонкой, – подбадривал я себя, – соберись и выложи им всё как на духу».

Не успел я так подумать, как услышал за спиной бодрый дедушкин привет:

– Академику желаю здравствовать!

И держать хвост пистолетом!

И уже бабушке:

– Совсем наш академик скис и стал похож на профессора кислых щей. Организуй-ка нам, пожалуйста, поляну с компотом и оладьями в Денискиной комнате.

И снова мне:

– У меня к тебе назрел серьёзный мужской разговор. Только сначала вымой руки и бегом в комнату. Я скоро приду.

Да, это не с родителями вести «милую беседу» о двойках. Они не будут цацкаться и разводить разговоры под компот с плюшками. Просто-напросто не допустят к компьютеру – это раз, не отпустят гулять – это два, вместо обещанной 3D-ручки подарят на день рождения мохнатую пижаму с оленем – это три, вот такая арифметика. А в бабушках и дедушках есть что-то такое сказочное, доброе и волшебное, они всегда дают второй шанс и третий, и даже четвёртый. Главное – не растрчивать эти шансы на всякую ерунду.

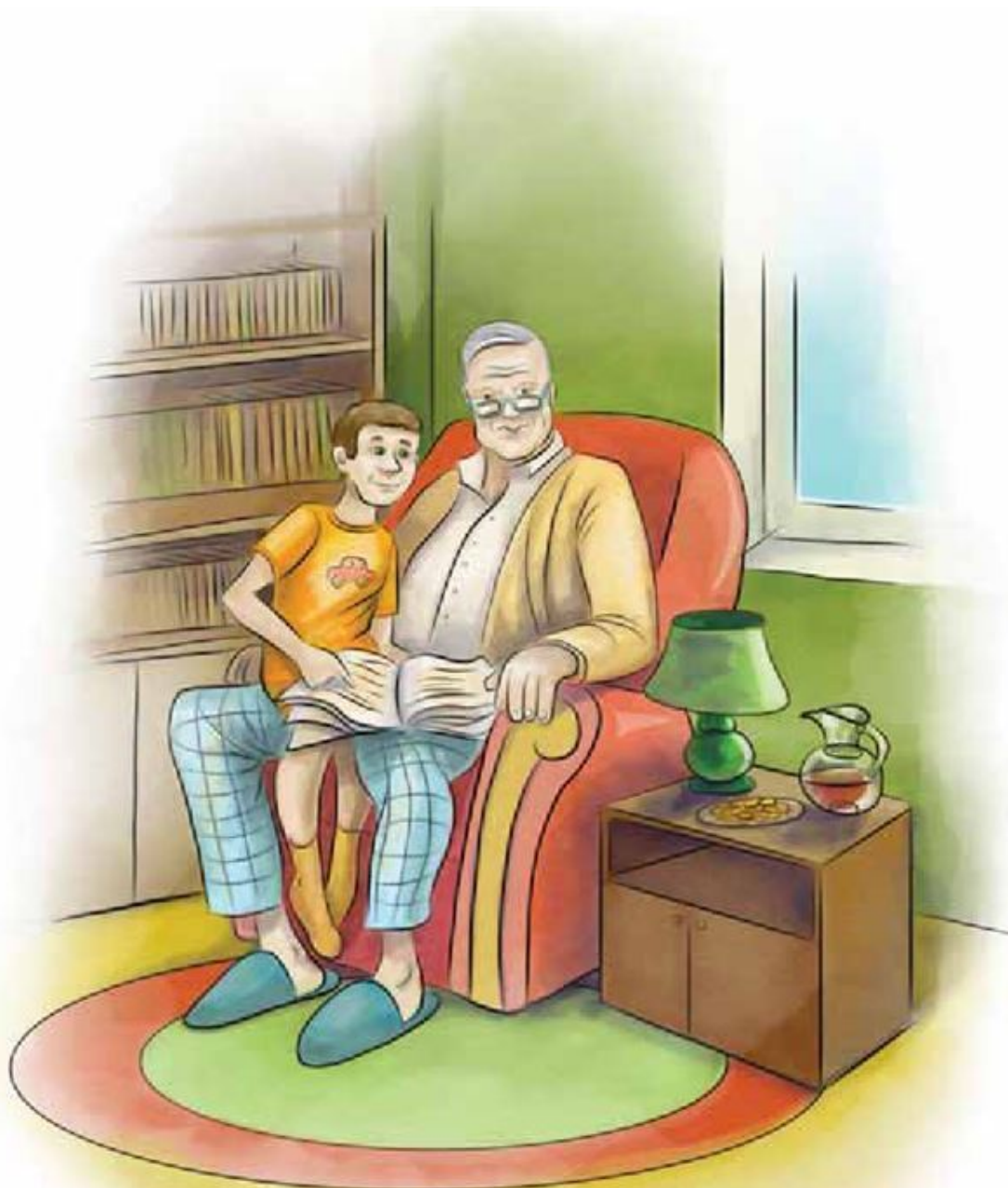
Быстро умывшись и приободрившись, я влетел в комнату, где нас с дедушкой поджидали дымящиеся оладушки с душистым клубничным вареньем и, конечно, компот.

– Что, брат, проголодался? Налетай, только ни гу-гу! Когда я ем, то что? Сам знаешь!

Медовый аромат варенья напомнил о ягодном лете в деревне, о том, как я собирал спелую клубнику вёдрами, а потом сортировал, отмерял и передавал бабушке. Все крупные ягоды доставались мне, остальное шло на бесконечные джемы, варенья, компоты. Бабушка, как заводная, полдня кружилась у плиты – помешивала, подбрасывала, подливала. Другие полдня пропадали на огороде и в цветнике, и в сарае, и в погребе, причём я всегда с лёгкостью самого крутого сыщика на свете – Шерлока Холмса, мог распознать, в какой части сада притаилась бабушка по её раскатистому фольклорному напеву: «Я вечер в лужках гуляяяяла!». Дедушка возился на крыше, которая каждый сезон просила каши, забивал и прилаживал, пилил и рубил, потом мы садились с ним вместе строгать удочки и лук, а по вечерам он учил меня играть в шахматы и в «Удиви почемучку!».

Скоро бабушка с дедушкой уедут от нас в деревню на весь сезон. А я об этом вспомнил только сейчас, и не потому, что в эту секунду уплетал бабушкины оладьи. Хотя и поэтому тоже. Мне стало жутко стыдно и совестно, прямо до слёз. За «Привет!» на лету, за потраченное время на компьютерные игры вместо захватывающих рассказов деда и мелодичных песен бабушки, ну, и выполненного домашнего задания.

Сглотнув подступивший к горлу комок, я скороговоркой выпалил всё-всё, что накопилось в душе: и про *Скунс-камеру*, и про Ваську, и про Тузика Грельского. Дедушка слушал внимательно, слегка покачивая головой. Когда я закончил, он улыбнулся, взлохматил мой чуб и незаметно вытащил откуда-то старую-старую книжку.

– Подсаживайся ко мне! Не дрейфь, выдержу! – позвал дед. Я плюхнулся к нему на колени, как в прежние времена, когда был совсем маленьким и не умел ни читать, ни даже зашнуровывать ботинки.

– Гляди-ка сюда! – дед открыл книгу на первой странице, и я, запинаясь, прочитал по складам трудное название: «Приключения Гекльберри Финна».

– Моя любимая книга! Марк Твен написал. Когда-нибудь и, я надеюсь, очень скоро это имя вместит и для тебя целый мир! Ты отбросишь свои планшеты и, как бишь их, диски, попрощаешься с неживым Тузиком и заведёшь живого Шарика. Побежишь во двор к мальчишкам – хотя какой у вас теперь двор: пара лавочек с одной бабушкой и горка; запустишь

бумажного змея, залезешь на чердак – хотя, что я вру, уже не залезешь – чердаки давно забиты, голубятни разорены. А после уличных странствий обязательно вернёшься к книге, потому что сам этого захочешь. – Деда, а правда, что эту книжку выпустили в 1950 году? – изумился я.

– Точнѐхонько, братец. В Издательстве «Детская литература». Аккурат к моему шестому дню рождения. И все эти годы она была со мной. Маленько пообтрепалась, но выжила! Помню, с какой гордостью принёс её в школу, с какой завистью меня обступили ребята, с какой жалостью умоляли дать почитать и выхватывали из рук заветную книгу. Чего только не предлагали взамен за «Гекльберри Финна»: десять кило гусиных лапок, настоящий морской кортик, велосипедную шину и руль, сифон, калейдоскоп, астролябию и даже армейский курвиметр.

Я ловил каждое дедушкино слово, как заворожѐнный. Понятное дело, когда ещё услышишь столько новых слов сразу?

– Недолго думая, я отдал её своему лучшему другу по кличке Кот.

– Почему Кот?

– Да он мог забраться на любую стену ловко и быстро, как представитель семейства кошачьих. Мы с ним облазили каждый метр Смоленской крепостной стены. В далѐкие пятидесятые... Не смотри так жалостливо, дружище, Московский Кремль в твоём случае отпадает! Даже в мыслях не примеривайся!

«Дедушка и по крепостям лазил», – вздохнул я про себя и понял, что завидую его прошлому.

– Теперь эта книга – твоя. Твоѐ сокровище. И не смотри, что ветхая. Старый друг, ну, ты сам дальше знаешь...

– Деда, вот это подарок! Я теперь владею древней книгой! – проорал я на радостях. – Интересно, а Президент её читал? – На то он и Президент. Только не прямо вот эту, а в другом издании. Моя книжка появилась, когда Президента ещё и в проекте не было. Чего уж тут говорить, у нас вообще не было никаких Президентов. – Да ладно?! Деда, а кто же был?! – я чуть не лопнул от приступа любознательности.

– Были вожди, братец, – с грустью выдохнул дедушка и задумчиво уставился на свой правый тапок.

Я чуть не грохнулся на пол, но дедушка удержал:

– Настоящие вожди, как у индейцев?!

Ну почему я не родился в твоѐ время?! – не унимался я.

– А ещё стакан ситро стоил одну копейку, это без сиропа, с сиропом – три копейки, эскимо на палочке – одиннадцать, пломбир...

– Остапа понесло! – внезапно над нами прозвенел знакомый бабушкин голос. – Зачем ты пугаешь ребёнка фантастикой? Три копейки, пять копеек... заладил! Было и было, но, как говорится, прошло!

– А я не из пугливых! – расхрабрился было я, но тут же осѐкся.

– Давайте лучше читать! Посмотри, Дениска, вокруг тебя сгрудились все сокровища мира – выбирай любое, – бабушка обвела взглядом долгие ряды книжных полок.

– Уже выбрали! – дружно гаркнули мы с дедушкой в ответ и засмеялись.

Дедушка читал увлечѐнно и живо, как победитель конкурса всех чтецов планеты, а я уносился в уютной лодке с Геком Финном в далѐкие дали на поиски сокровищ мира, хотя глубоко в душе понимал, что затея эта пустая. Вот же они, мои бесценные сокровища – мои родные.

Фобия

– А у тебя есть фобия?

– Фобия? – я озадачился, не зная, что ответить.

Борька победно хмыкнул.

– Ну, брат, ты даёшь! Сидишь в своей Москве и знать не знаешь о фобиях!

Борька был прав. Ивановские пацаны всю хвастаются своими фобиями, пока московские ни сном ни духом торчат себе по домам и залипают на «Битве ёжиков-2».

Несправедливость! «Значит, мы отстали от моды и своего времени», – как сказала бы мама. Но мамы сейчас рядом не было, мы сидели на большом трухлявом пне возле Борькиного дома и рассуждали о фобиях. Точнее, рассуждал Борька, а я внимательно слушал и мрачнел от своего невежества.

– Фобия – это жуткая жуть! От неё стынет в жилах кровь, и хочется бежать за тридевять земель. Но бежать некуда, потому что фобия подстерегает тебя на каждом углу. Она всегда где-то рядом. – Борька перевёл дух и продолжил шёпотом. – У каждого из нас есть своя фобия. Главное – вовремя её вычислить и не давать ей спуску. Фобий огромное множество, но ты должен выбрать одну, серьёзную и стоящую. Бояться всего, сам понимаешь, несолидно. Вот у меня фобия, любо-дорого назвать, – бензопила!

Борька выдержал паузу, чтобы я проникся важностью его фобии, и задрал свой и без того курносый нос в рыжих веснушках.

– Было мне четыре года, как сейчас помню. Я гонялся за бабочкой махаоном и вдруг услышал душераздирающий скрежет, стон и звон, будто по всему миру разом включили тысячи бормашин! Порядком тухнув, я убежал в дом, но немного погодя собрался с духом и решил узнать, что же это так трещало. Я двинулся на шум в сарай и увидел на заднем дворе дедушку. Он пилил нашу старую яблоню гигантским страшилищем в стальных зубьях. Страшилище звалось бензопилой. С тех пор прошло три года, дед куда-то запрятал бензопилу, но мне не забыть, какая она была огромная и жуткая, словно это было вчера. Вот так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.